

Кухонная дверь с грохотом захлопнулась. Шэнь Цинчи поспешно отпрянул, едва успев уберечь кончик носа от удара.

Он невинно склонил голову набок:

— Дядя?

Внутри воцарилась тишина. Не видя, что происходит, он попробовал повернуть ручку, но дверь оказалась заперта изнутри. Шэнь Фан заперся. Пришлось стучать:

— ...Ты на меня сердишься?

Никакого ответа.

Шэнь Цинчи опустил глаза, на его лице отразилась такая достоверная печаль, что голос дрогнул:

— Я сделал что-то не так? В караоке... я сказал что-то лишнее и доставил тебе неприятностей?

По-прежнему молчание.

— ...Я понял. — Пальцы Шэнь Цинчи медленно соскользнули с дверной ручки, а голос задрожал ещё сильнее. — Тогда я пойду в свою комнату. Буду ждать, когда дядя захочет меня увидеть.

Он развернулся, собираясь уйти.

В ту же секунду дверь снова открылась. На пороге возник Шэнь Фан. Он устало вздохнул:

— Куда это ты собрался?

Шэнь Цинчи замер, не решаясь поднять глаз. Он смотрел в пол и молчал.

Глядя на этот жалкий вид, Шэнь Фан испытал странную смесь гнева и насмешки: злился он на этого котенка, который, совершив ошибку, умудрился ещё и выставить себя жертвой, а смеялся над собственной слабостью — ведь он не смог выдержать даже такой обиды, выставив его за дверь и тут же позвав обратно.

Казалось бы, сейчас самое время сурово отчитать его, велеть перестать морочить голову, но слова застряли в горле. Может быть, котенок просто ведет себя как котенок, а это он сам потерял голову и нафантазировал лишнего.

— Ладно, раз уж тебе нечем заняться, иди помоги мне, — в конце концов сдался он и отошел в сторону, пропуская парня на кухню. — Готовить не умеешь, так хоть овощи помоешь?

Почувствовав, что отношение Шэнь Фана смягчилось, Шэнь Цинчи робко поднял взгляд:

— Дядя... ты больше не злишься?

— Я и не злился.

— Но ведь только что ты был таким рассерженным и прогнал меня, — Шэнь Цинчи выглядел озадаченным. — И еще... после того как я протрезвел, мне показалось, что твое отношение стало... странным. Дядя словно был чем-то недоволен, а я всё никак не находил случая спросить.

Шэнь Фан лишился дара речи. Кто этот ребенок — гений или дурачок? Назовешь умным — а он донельзя наивен и беззащитен. Назовешь глупым — а он в чем-то невероятно проницателен: заметил перемену в настроении и хочет проявить заботу.

Он не знал, что ответить. Не скажешь же прямо: «Я странно себя веду, потому что у меня появились на твой счет такие вот мысли». Пришлось уклониться от ответа:

— Всё в порядке, не бери в голову.

Он хотел вернуться к готовке, но едва развернулся, как услышал:

— Дядя.

Следом он почувствовал, как поясницу сдавило, и теплое тело прижалось к нему со спины, крепко обнимая.

Шэнь Фан застыл, на лице отразилось изумление. Он с трудом опустил взгляд на руки Шэнь Цинчи, сцепленные у него на поясе, и слотнул ком в горле, с трудом выдавив:

— ...Ты что делаешь?

— Не знаю, почему дядя был расстроен, но объятия помогают, — серьезно произнес Шэнь Цинчи. — Когда я был маленьким, мама, если грустила, просила меня обнять её, говорила, что от моих объятий сразу становится радостно.

Шэнь Фан: «...»

Он не знал, плакать или смеяться. Эти слова выбили его из колеи настолько, что он забыл, зачем вообще пришел на кухню.

В голове промелькнула лишь одна мысль: «Оказывается, Чжу Чжэнцзюань когда-то дарила ему материнскую любовь». Но времена изменились, отношения между матерью и сыном давно зашли в тупик, и былого уже не вернуть.

Прошло немало времени, прежде чем он снова обрел дар речи:

— Отпусти. Я не твоя мама.

— Но ты мой дядя, — ответил Шэнь Цинчи. — Мы же семья, какая разница?

Семья...

Это слово заставило Шэнь Фана надолго притихнуть. Непонятно, радоваться этому или грустить. Он положил руку на ладонь Шэнь Цинчи, пытаясь разжать его пальцы, но не смог заставить себя сделать это окончательно.

Тело юноши было гибким и теплым, от него пахло шампунем после недавнего душа. Разум утопал в этих объятиях. Он прекрасно понимал, что это всего лишь жест утешения, лишенный всякого подтекста, но тело жаждало тепла, хотело наслаждаться им подольше, даже пользуясь наивной добротой юноши.

Он закрыл глаза, впитывая тепло через тонкую ткань одежды. Он не сопротивлялся, но и не поощрял.

— Дяде стало лучше? — спросил Шэнь Цинчи. — Я сказал что-то обидное, когда был пьян? Прости, пожалуйста, не принимай близко к сердцу, я больше никогда не буду пить.

— ...Да, — губы Шэнь Фана тронула горькая усмешка. — Ты сейчас говоришь очень обидные вещи.

Шэнь Цинчи вздрогнул, в голосе послышалась паника:

— П-прости.

— Шучу, — Шэнь Фан открыл глаза и похлопал его по руке. — Отпусти, я не злюсь, не обижаюсь и не обманываю тебя.

Шэнь Цинчи разжал руки и смущенно отвел взгляд:

— Тогда... я помогу тебе помыть овощи.

Шэнь Фан смотрел на его поспешно удаляющуюся фигуру и вздыхал про себя.

Пусть так.

Что взять с этого глупого котенка.

Семья... впрочем, это верно. Просто для них обоих слово семья означает разные вещи.

Он смотрел на спину юноши, и на душе наконец стало спокойнее.

— Впредь не обнимай кого попало, — произнёс он.

Шэнь Цинчи оглянулся:

— А?

— Со мной — ещё ладно, но не смей так делать с чужими людьми, понял?

Шэнь Цинчи недоумевал:

— С чего бы мне обнимать кого-то незнакомого?

Шэнь Фан запнулся.

— Я проявляю заботу, только потому что дядя добр ко мне, потому что мы семья, — добавил Шэнь Цинчи. — С обычными знакомыми я в лучшем случае пару слов скажу, как я могу их обнимать?

Шэнь Фану нечего было ответить.

— Да и заботиться-то особо не о ком, — Шэнь Цинчи склонился над раковиной, тщательно промывая овощи. — Мне сейчас идти некуда. Моя мать... Чжу Чжэнцзюань считает меня врагом, Шэнь Цзин — инструментом, про Чжоу Ванъяня и говорить нечего. А школьные друзья — как только выпустились, связь оборвалась. Сейчас только дядя готов приютить меня.

Он помолчал немного:

— Если однажды дядя не захочет меня видеть, я исчезну. Обещаю, ни слова из того, что случилось здесь, я не разглашу.

Шэнь Фан нахмурился, подошел к нему и взъерошил волосы:

— Хватит нести чепуху. Когда я говорил, что не хочу тебя видеть? Я имел в виду, что тебе стоит одеться, прежде чем расхаживать по дому.

— М-м... — Шэнь Цинчи опустил глаза на свои обнаженные ноги.

— Чего стоишь? — Шэнь Фан напустил на себя строгий вид. — Дальше я сам, уходи отсюда, не хватало ещё, чтобы ты простудился в таком виде.

Шэнь Цинчи пробормотал себе под нос:

— В такую жару невозможно простудиться...

Шэнь Фан сердито зыркнул на него, и Шэнь Цинчи, больше не смея перечить, вытер руки и поспешил прочь.

Найдя повод выпроводить его, Шэнь Фан почувствовал себя совершенно опустошенным. Похоже, он провалился в яму по имени Шэнь Цинчи, и выбраться из неё уже не суждено.

Как научить этого глупого котенка, что вот так свободно раздавать свое очарование — значит толкать людей на преступление?

Впрочем, пусть остается глупым. Так он хотя бы не заметит его порочных мыслей.

Будет считать его дядей. По крайней мере, здесь он может защитить его от нападок, а если отпустить его в свободное плавание, кто знает, какие беды его ждут.

С этой мыслью Шэнь Фан больше не избегал контактов с Шэнь Цинчи. Правда, каждый раз глядя на него, он чувствовал, как начинает зудеть в носу, и был на волосок от того, чтобы не пустить кровь из носа прямо на глазах у парня.

А Шэнь Цинчи, похоже, не собирался прекращать свои «бесчинства». Совершенно не заботясь о том, в каком аду варится его дядя, он всё время вертелся рядом, искал близости, каждый вечер желал спокойной ночи, называя его дядей так искренне, что, казалось, готов был вместе ходить в душ и спать в одной кровати.

Шэнь Фан был на грани отчаяния.

В такой атмосфере лето подходило к концу.

За три дня до начала занятий Шэнь Цинчи наконец получил по почте новое удостоверение личности.

Он был невероятно взволнован:

— Дядя, с документами я смогу пойти в школу и подать документы? Я ведь уже говорил с директором Линем... В школе ведь точно смогут отличить, кто из нас — настоящий Шэнь Цинчи, я или Чжоу Ванъянь?

— Теоретически — да, — Шэнь Фан чистил яблоко и, услышав вопрос, поднял на него глаза. — Но вопрос в том, как ты попадешь в школу, чтобы тебя не перехватили люди Шэнь Цина.

— Может, выйти так же, как в прошлый раз?

— В прошлый раз? — Шэнь Фан приподнял бровь и усмехнулся. — В прошлый раз я вез тебя на машине, но это не значит, что так будет всегда. Ты же не ждешь, что я поеду с тобой в школу, чтобы разбираться с Чжоу Ванъянем?

Шэнь Цинчи замер и притих.

Верно. Шэнь Фану нельзя обнаруживать свою позицию.

В глазах Шэнь Цина он сейчас заперт дома под давлением Шэнь Фана. Они — противники. Любое доброе отношение со стороны Шэнь Фана вызовет у Шэнь Цина подозрения.

Шэнь Фан — единственный человек, способный сокрушить клан Шэнь, и его роль критически важна. Если говорить без прикрас, даже если он не поступит в Цинский университет, он не может оставить семью Шэнь в покое — слишком велика обида, и он не может предать память настоящего хозяина тела, умершего от депрессии.

— Ты хочешь сказать, я должен сам пойти и разобраться с Чжоу Ванъянем? — спросил он.

Шэнь Фан разрезал яблоко пополам и протянул ему половинку без косточек:

— А иначе, как думаешь, зачем я проверял тебя, когда мы встречались с директором Линем?

— Так это была проверка? — Шэнь Цинчи удивленно посмотрел на него. — А я думал, дяде просто было лень разговаривать с директором...

— Ну и как я справился? — он подался вперед, приближаясь к Шэнь Фану. — Я прошел твою проверку? Я готов к тому, чтобы встретиться с Чжоу Ванъянем лицом к лицу?

Глаза Шэнь Цинчи ярко сияли, в них читалось нетерпение. Он подошел слишком близко. Взгляд Шэнь Фана невольно скользил по его лицу, спускался по переносице и замер на мягких губах.

Он смотрел, как губы парня открываются и закрываются, и мысли вылетели из головы — он едва расслышал вопрос.

Прошло довольно много времени, прежде чем он откусил кусочек яблока и, сглотив, невнятно ответил:

— Сойдет.

<http://bllate.org/book/21917/2277181>